

МНИМЫЙ ПУШКИНЪ

ВЪ СТИХАХЪ, ПРОЗѢ

И

ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

Изъ «Новаго Времени» 2-го и 8-го августа 1903 г.
№№ 9845 и 9851.

Дозволено цензурою 12-го августа 1903 г. С.-Петербургъ.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер. 13.

Въ письмахъ своихъ Пушкинъ сѣтоваль, что всѣ политическія стихотворенія приписываются ему, какъ прежде эротическія приписывались Баркову, а укоряя Жуковскаго за пропускъ въ изданіи его стихотвореній нѣсколькихъ пьесъ, замѣчалъ ему: «Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбехера».

Предсказаніе это къ счастью не сбылось, но на изданіи сочиненій самого Пушкина отразилось въ гораздо болѣе значительной стѣпени, потому что въ нихъ оказались ужъ не кюхельбехеровскія стихотворенія, а даже нелѣпѣйшія и бессмысленныя вирши, при чемъ еще болѣе печаталось ихъ въ газетахъ и журналахъ съ именемъ Пушкина съ разными вымышленными будто бы достовѣрными и несомнѣнными указаніями на принадлежность ихъ Пушкину.

I.

Въ первомъ же посмертномъ изданіи сочиненій 1838—1841 г. появилась «Застольная пѣсня» *Дельвига*, еще почти лѣтъ за 20 напечатанная съ его инициалами въ «Современователѣ просвѣщенія» (ч. 12).

Во второмъ изданіи (Анненкова) она была исключена, но зато прибавлено стихотвореніе *кн. Вяземскаго* «Элегія» (т. II, 240), подъ 1818 г. при чемъ издателя не остановило совсѣмъ не Пушкинское начало:

О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный даръ,
При коей сносны жизни бѣдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ.

Да внесено болѣе чѣмъ сомнительное стихотвореніе «Вишня», безъ малѣйшихъ доказательствъ дѣйствительной принадлежности его Пушкину, и прибавлено стихотвореніе *Жуковскаго* о *Наполеонѣ*, изъ котораго Пушкинъ выписалъ 2, 3, 5 и 6 строфы, а Анненковъ, въ цензурныхъ соображеніяхъ, сдѣлалъ поправки карандашомъ для напечатанія въ своемъ VII томѣ. Повидимому эти поправки дали поводъ г. Шляпкину *вновь* приписать это стихотвореніе Пушкину (стр. 65 его книги), тогда какъ оно было напечатано съ именемъ *Жуковскаго* въ № 14 «Сына Отечества» 1816 г. и перепечатано въ «Литер. Музеумѣ» на 1827 г.

Затѣмъ два изданія подъ ред. Геннади, и въ особенности 2-е, значительно увеличили число мнимыхъ Пушкинскихъ стихотвореній, такъ какъ издатель, безъ критики и безъ провѣрки вносилъ все напечатанное въ газетахъ и журналахъ съ именемъ Пушкина, и при томъ такъ несчастливо, что напр. неуклюжія вирши «Псковъ», помѣщенные съ именемъ Пушкина и съ великою похвалою П. И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ», но черезъ нумеръ уже указанные принадлежащими псковскому учителю *Панкратьеву*, несмотря на это были напечатаны Геннади даже *два раза*. Между тѣмъ онъ пропустилъ нѣсколько прелестныхъ и общеизвѣстныхъ стихотвореній, какъ напр. изъ *А. Шенье* («Покровъ, упитанный язвительною кровью»), которыя и нашли себѣ мѣсто только въ «приложеніи» къ I тому его изданія.

Гербель въ заграничномъ изданіи (Русскій), хотя и хвалился, что онъ «очистилъ» Пушкина отъ наносовъ, но и самъ «нанесъ» пожалуй вдвое больше и не задумался даже внести стихотвореніе: «На восшествіе на престолъ Александра I», которое конечно не могъ написать Пушкинъ, имѣвшій тогда не болѣе двухъ лѣтъ. Внесъ стихи на Жуковского (Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею), принадлежащія *Воейкову*, на что указываетъ отчасти и Гречъ (Записки, стр. 493) и о чемъ особенно упоми-

наю теперь потому, что еще недавно г-нъ Кирпичниковъ опять приписалъ ихъ Пушкину. Замѣчу также, что Гербель списалъ у меня изъ одного рукописнаго сборника двадцатыхъ годовъ: «Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный» и напечаталъ въ своемъ изданіи, тогда какъ въ этомъ же сборникѣ еще нѣсколько стихотвореній было приписано Пушкину такъ же бездоказательно, которые и внесены Гербелемъ въ его статью въ «Р. Архивъ».

Послѣ этого было три изданія подъ моею редакціей, кажется, освобожденные отъ постороннихъ стихотвореній, потому что послѣдующими изданіями ничего не было откинута. Но самъ я уже по напечатаніи 1-го изъ этихъ изданій исключилъ изъ него четверостишіе *Пестелю*, къ которому, какъ оказалось изъ напечатанныхъ тогда отрывковъ изъ «Дневника», Пушкинъ относился весьма неблагосконно, такъ что никакъ не могъ написать ему подобныхъ стиховъ. Еще я выбросилъ *отрывки* изъ поэмы «*Тѣнь Баркова*», которые взялъ-было изъ статьи *Гаевскаго* въ Современникѣ, обставившаго его такими подробностями о времени написанія, чтенія лицейстамъ и т. п., что не было сомнѣнія, что это написалъ Пушкинъ. Найдя *полную поэму* въ рукописной тетради, я увидѣлъ, что въ ней дѣло идетъ не о Петербургѣ, а о Москвѣ, и съ такими подробностями, которыхъ Пушкинъ не могъ о

ней знать, вывезенный изъ нея еще почти ребенкомъ. Не скажу теперь, что это стихотвореніе принадлежитъ *Полежаеву*, какъ я сдѣлалъ тогда, исключая изъ своего изданія эти стихи, потому что Полежаеву приписывали, еще при жизни, почти всѣ эротическія произведенія *Дьякова* *).

Что касается до «*Пѣсенниковъ*», газетъ и журналовъ, то въ нихъ была дѣлая вакханалія съ именемъ Пушкина: кому хотѣлось напечатать это имя подъ какимънибудь, даже уже напечатаннымъ съ другимъ именемъ стихотвореніемъ, тотъ не стѣсняясь ничѣмъ и печаталъ.

Для примѣра укажу, что въ «*Пѣсенникахъ*» тридцатыхъ годовъ еще при жизни Пушкина было напечатано стихотвореніе «*Пѣснь черкеса*», помѣщенное въ «*Полярной Звѣздѣ*» 1824 г. съ именемъ *В. Григорьева*; а стихотвореніе «*Я палъ предъ алтаремъ прекрасной*», положенное даже на музыку *Гурилевымъ*, прежде было напеча-

---

*) Это былъ москвичъ очень остроумный и талантливый, много грѣшившій нецензурными стихотвореніями, страшный поклонникъ танцовщицы *Сажковской*, лишившійся даже мѣста учителя *чистописанія* въ гимназіи за одну изъ выходокъ на ея бенефисъ. Къ сожалѣнію, онъ велъ потомъ крайне не трезвую жизнь, и подъ конецъ ея даже хвалился однажды, что совсѣмъ бросилъ водку, а на поздравленія съ этимъ, отвѣтилъ: «ничего ужъ кромѣ рома не пью».

таво подъ заглавіемъ «Дѣва любви» въ числѣ другихъ стихотвореній, за подписью «В. К — й» (Лампада, Пѣснь дѣвы, На берегу Тверцы и пр.) въ «Дамскомъ Журналѣ» 1829 г. Не упоминаю множества другихъ, предполагая, что едва ли будущіе издатели сочиненій Пушкина будутъ что-нибудь заимствовать изъ такого мутнаго источника, какимъ являются «Пѣсенники», издававшіеся разными спекулянтами, иногда совсѣмъ безграмотными.

Совсѣмъ иное дѣло газеты и особенно журналы, гдѣ мнимыя Пушкинскія стихотворенія большею частью были обставлены указаніями, имѣющими видъ *правдоподобія*, если не полной *достоверности*.

Прежде всего упомяну, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 г. было приписано *Александру Сергѣевичу Пушкину* стихотворенія *Алексѣя Мих. Пушкина* «На смерть Кутузова», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 г. съ подписью *А. Пушкинъ*. Это было тогда же выяснено въ печати. Между тѣмъ журналъ «Свѣточъ» 1861 г., игнорируя указанія С. Д. Полторацкаго относительно стиховъ о Кутузовѣ, напечаталъ, что ему *удалось* достать стихотвореніе Пушкина, написанное въ началѣ 1813 г. (10-го мая, Спб.) и слѣдовательно *годомъ раньше* всѣхъ помѣщенныхъ въ изд. Анненкова, что оно было «доставлено *П. В. Мелентьевой* (что за не-

извѣстный авторитетъ?) и помѣщено въ альбомѣ въ большую $\frac{1}{4}$ л., наполненномъ стихами, больше на французскомъ языкѣ и рисунками, сдѣланными карандашомъ и акварелью».

Какъ же было однако не разобрать, кто изъ Пушкиныхъ, Александръ или Алексѣй, написалъ такіе стихи:

«Воспитанница Музъ, прелестна Катерина!
Соединяя всѣ таланты съ красотой,
Доказываешь ты, что славная Коринна
Средь насъ живетъ, не бывъ единою мечтой.
Тебѣ принадлежатъ ея вѣнки лавровы
Тобой красуется блаженный здѣшній край,
И хлады Сѣвера, сколь ни были бѣ суровы,
Твой вѣсъ, твой нѣжный вѣсъ ихъ превращаетъ въ рай.»

II.

Въ журналахъ и газетахъ появленіе мнимыхъ Пушкинскихъ стихотвореній сначала шло медленно, но постепенно увеличивалось, особенно въ шестидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ.

Первую попытку сдѣлалъ «Москвитянинъ» въ 1849 г. (№ 4), напечатавшій «экспромтъ» Пушкина: «Французъ дитя» и пр., т. е. одну изъ строфъ извѣстнаго стихотворенія *Полежаева*: «Четыре націи».

Затѣмъ уже только въ 1856 г. «Современникъ» (№ 1) помѣстилъ какъ «драгоценную находку», съ именемъ Пушкина стихотвореніе «Моя любовь» В. Туман-

скаго, напечатанное въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г.

Съ этихъ поръ дѣло пошло быстрѣе и года черезъ 3—4 достигло уже просто до фальсификаціи Пушкинскихъ произведеній:

Въ 1857 г. «Общезанимательный Вѣстникъ» (№ 1) помѣстилъ сообщенное Греномъ Пушкинское стихотвореніе *Лилія*, оказавшееся стих. кн. *Вяземскаго*, напечатаннымъ въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. (№ 36).

Въ 1859 г. являются уже 5 псевдо-Пушкинскихъ стих.: 1) въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 8), обошедшее потомъ почти всѣ газеты «Посмертное» стих. П—на: «Входя въ небесныя селенья». Оно было написано генералу Бахтину на вечерѣ у ген. Катенина, отъ имени вертящагося стола, *П. А. Каратыгинымъ*, указавшимъ на это въ своихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ «Рус. Старинѣ» (1880, № 11). 2) Въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 (№ 3) появилось «неизданное стих. А. С. П.» съ такою полнѣйшею обстановкою: «доставлено *Г. Н. Геннадю*, получившимъ отъ *В. А. Дерябиной*, по словамъ которой написано было Пушкинымъ *наскоро* на балѣ у кн. *А. И. Голицыной* (урожд. *Измайловой*), для княжны *Ек. Сем. Урусовой*, въ замужествѣ *Батуриной*. «Все это многословіе оказалось вздоромъ, потому что вскорѣ обнаружился и настоящій авторъ: *Д. П. Ознобишинъ*, которымъ стихи эти

были написаны *Исакову* («Страдалецъ произвольной муки»). 3) Въ томъ же году, уже безъ всякихъ обстановокъ и указаній *Головинъ* издалъ за границею сборникъ Пушкинскихъ и псевдо-Пушкинскихъ стих. («Новыя стих. Пушкина и Шавченко»), изъ которыхъ одному въ особенности, какъ говорится, *повезло*: это переложеніе «*Отче-Нашѣ*». Я не перепечаталъ его въ изд. Исакова потому, что незадолго передъ тѣмъ *Ө. Глинка* между прочимъ написалъ *М. И. Семевскому*, что стихотвореніе «Не слышно шуму городского» — не *Рылѣва*, а переложеніе «*Отче-нашѣ*» — не *Пушкина*. Такъ какъ первое оказалось принадлежащимъ самому *Глинкѣ*, то я приписалъ ему и второе, отвѣчая на замѣчаніе *Русск. Архива* о сдѣланномъ будто-бы пропускѣ. Много лѣтъ прошло и уже въ 1898 или 1899 году г. *Острогорскій*, бывший въ *Святогорскомъ монастырѣ* и заѣхавшій оттуда въ *Тригорское*, нашель это «переложеніе», написанное неизвѣстною рукою, но лежавшее въ альбомѣ, въ которомъ были между прочимъ стихи *Пушкина*. Третье поколѣніе г. *Осиповой* не могло конечно сказать ему: «*Пушкинъ-ли былъ авторомъ*», но самъ г. *Острогорскій* приписалъ его *Пушкину* и дважды напечаталъ съ похвалами, забывая, что *мѣсто находженія* не имѣетъ въ такихъ случаяхъ никакого значенія, такъ какъ и самого его нельзя называть «*Святогорскимъ*», хотя

*

онъ и побывалъ въ «Святогорскомъ» монастырѣ.

Тотчасъ же появились въ газетахъ заявленія о слабости этого переложенія и непринадлежности его Пушкину. Горячимъ защитникомъ его явился въ Харьковѣ г. *Сумцовъ*, доказавшій (по его словамъ) филологическимъ подробнымъ разборомъ и «по мотивамъ», что кромѣ Пушкина никто не могъ такъ написать. А между тѣмъ нашлось письмо *А. А. Фета*, который писалъ, что это переложеніе ему «не удалось», и приложилъ еще новое свое «переложеніе», тоже не удавшееся.

Въ 1860 г. въ «*Нашемъ Времени*» Н. Ф. Павлова (№ 3) было напечатано, какъ новость, стих. «Я жизнь любилъ», тогда какъ оно было напечатано еще въ 1830 г. въ «Лит. Газетѣ» и потомъ не было признано кн. Вяземскимъ за Пушкинское. Вотъ выписка, изъ которой видно: могъ ли его написать Пушкинъ:

Я жизнь любилъ, доколь опытъ
И муки *огненныхъ* страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ
Не *изъяснили* мнѣ людей.

Въ томъ же году г. *Грековъ* сообщилъ въ «*Развлеченіи*», будто бы полученное отъ Баратынскаго стих. Пушкина: «Тебѣ въ прощальныя мгновенья», а въ слѣдующемъ году сообщилъ уже безъ всякой оговорки еще три стих. въ «Русское Слово» (1861,

№ 1 и 5), изъ которыхъ только первое приписывалось прежде и приписывается теперь (правильно-ли?) Пушкину: «Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки», «Смотрю печально, молчаливо» и «Весь день отъявленный лѣнивѣцъ», и прислалъ потомъ еще нѣсколько стихотвореній, но редакція уже не помѣстила ихъ въ виду того, что г. Грековъ сталъ тогда же сообщать другимъ изданіямъ стихотворенія *Лермонтова*, очень сходныя съ его мнимо-Пушкинскими. Дѣйствительно весьма трудно предположить, чтобы Пушкинымъ писалъ съ такими рѣчами:

Клянѹ заранѣ *Гименя*
И грѣшную мечту *лелѣя*,
И ею образъ твой *чертя*,
Не сплю всю ночь, тоску *тая*.

А вѣдь Пушкинъ писалъ, что къ нему двѣ рѣчи сами придутъ, да еще приведутъ и третью!

Тоже въ 1861 г. въ «*Библиографическихъ запискахъ*» (№ 4), но уже В. И. Касаткина, а не А. Н. Афанасьева, появилось псевдо-Пушкинское: «Происхожденіе Ляфита», сообщенное туда *Г. Н. Геннади*. За недѣлю до смерти его я встрѣтился съ нимъ у генерала А. Э Циммермана и въ разговорѣ оказалось, что эти стихи сообщилъ Геннади А. Э. Циммерманъ, а на замѣчаніе мое, что самъ авторъ ихъ, *Е. Вердеревскій*, говорилъ В. П. Гаевскому: гдѣ, когда и по какому случаю ихъ написалъ, Циммерманъ,

продолжая увѣрять, что это стихотвореніе *несомнѣнно* Пушкинское, о Вердеревскомъ же замѣтилъ только: «Ну, гдѣ ему написать. Вретъ онъ!», а между тѣмъ стихотвореніе дѣйствительно написано Вердеревскимъ.

Въ 1862 г. въ «Современникѣ» (№ 1) сразу появилось три новыхъ стихотворенія Пушкина, будто бы «полученныя въ началѣ 30-хъ годовъ отъ Л. С. Пушкина докторомъ Александромъ Прокофьевичемъ *Куртусовымъ* въ Тифлисѣ, а отъ него въ 1835 г. перешли они къ Ольгѣ Прокоф. *Горячко*». Чего кажется лучше, а они ужъ за 35 лѣтъ были напечатаны съ подписью *С. П. Шевырева* (въ «Моск. Вѣстн.», 1828, № 16).—Черезъ 15 же лѣтъ послѣ ихъ вторичнаго напечатанія появилась брошюра въ 16 д. л., съ 4 стр. текста подъ громкимъ титуломъ: «Библиографическая рѣдкость! Три стихотворенія А. С. Пушкина. Найденныя въ старыхъ книгахъ и невошедшія въ изданія полныхъ собраній его сочиненій. Изданіе С. О. Назарова. *Цѣна 5 коп.* Владикавказъ. Типо-литографія З. И. Шарпова. 1877 г.». Эта тощая брошюра, заключающая въ себѣ эти три стихотворенія («Напиши на крыльяхъ (у Назарова на *крыльяхъ*) бури», «Видалъ-ли ты, какъ пляшетъ египтянка», и «Какъ египтянка ты прекрасна»), была вѣроятно одновременно же оттиснута съ добавкою: *выпускъ второй*, чтобы иногородные требователи присылали пяточки за *новое про-*

долженіе изданія, а не за перепечатку прежняго.

Въ 1862 году вышли два уличныхъ листка: «Послѣдняя пѣсня Лебеда. 1862. Алексѣя Москвитянина» и «Погрѣмушка». Въ первомъ напечатано, что Пушкинъ, проѣздомъ куда-то, по просьбѣ сельскаго священника написалъ эпитафію его отцу:

Не монументъ, а диво:
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ,
Въ попѣ вино и пиво.

А во второмъ «четверостишіе»:

Я нынче встрѣтилъ чудака,
Который Анною гордится,
А Анна бѣдная стыдится,
Что на груди у дурака...

Въ 1868 г. въ «*Новомъ Времени*» Киркора (№ 70) явилось указаніе, что эпиграмма «Рука всевышняго» принадлежитъ Пушкину, который ее не писалъ. Кстати замѣтимъ, что всѣ эпиграмы на *Н. и К. Пелевыхъ*, довольно грубыя, принадлежатъ не Пушкину, а Бахтуруину, и ему же, вѣроятно, принадлежитъ и эта.

Въ 1869 г. напечатано въ «*Русск. Архивъ*» (№ 10), «Оброненное,—по словамъ г. Бартенева,—произведеніе *вольнлюбивой молодости*» Пушкина, полученное отъ собирателя, стоявшаго съ полками въ Псковской губ., «Псковъ»:

Среди песчаныхъ скалъ на берегахъ Ве-
 ликой,
 Гдѣ носитъ естество полночи образъ дикой,
 Согбенный исполинъ подъ тяжестью оковъ,
 Съ поникнутой главой стоитъ печальный
 Псковъ,
 Лишенный честныхъ блазъ народнаго прав-
 ленья,
 Сей градъ являетъ намъ видъ страшный раз-
 рушенья...
 Унылыя рабы трепещущей пятой
 Герсевъ вольности тамъ топчуть прахъ
 святой...
 Все грустно, все молчить... Разбился жезлъ
 народа,
 Бъжитъ искусство прочь, и сътуетъ при-
 рода...

Пушкинъ былъ въ Псковѣ ужъ не во время «вольнoлюбивой молодости», да и въ этой молодости не писалъ такихъ топорныхъ стиховъ. Впрочемъ вскорѣ въ «Русск. Арх.» было заявлено, что стихотвореніе принадлежить псковскому учителю *Шанкратьеву*, но это не помѣшало Геннади, какъ сказано выше, внести его во второе Исаковское изд., да еще два раза: въ текстъ и какъ пропущенное—въ дополненіи, тогда какъ въ томъ же томѣ были дѣйствительно пропущены превосходныя Пушкинскія произведе-нія и помѣщены въ томъ же «дополненіи».

Въ 1871 г. въ «Русской Старинѣ» (№ 12) въ статьѣ: «Скобелевъ и Пушкинъ», приписаны были первымъ послѣднему, въ рапортѣ 3-го октября 1822 г., по безыменному доносу шпіона, два стихотворенія «вертопраха», съ предложеніемъ, что хоро-

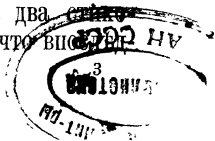
шо бы, еелибъ этотъ «сочинитель вредныхъ пасквилей *лишилъ нѣсколькихъ клочковъ шкуры*». Стихотворенія эти: «*Мысль о свободѣ*» (41 строка), а второе «*Посланіе къ другу*»:

Что значать эти увѣщанья?
Мой другъ, что значить голосъ твой?
Онъ возбудилъ въ груди молодой
Нѣмой порывъ негодованья.
Ты мыслишь, что разлуки годы
Во мнѣ убили прежній духъ?
Что въ сердцѣ молодомъ потухъ
Сей жаръ возвышенной свободы?
Нѣтъ, другъ мой, я всегда питалъ
Сю прекрасныя желанья,
И *сей* огонь не угасалъ
Ни въ наслажденьяхъ, ни въ страданьяхъ
и т. д.

Несмотря на одно только шпионское заявленіе, недавно одинъ изъ нашихъ «ислѣдователей» сѣтовалъ, что эти стихотворенія не печатаются до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина.

Въ 1874 г. то же въ «*Русск. Старинѣ*» (№ 8) въ запискахъ Попова указана принадлежащей Пушкину ходившая давно съ его именемъ эпиграма на Жуковскаго: «Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею», но она принадлежитъ А. Ѳ. Воейкову, съ чѣмъ соглашается и Гречъ (Записки, стр. 493).

Въ 1875 г. въ «*Голосъ*» (№ 291) извѣстный Кеневичъ очень авторитетно, хотя и бездоказательно, напечаталъ два стихотворенія Пушкина, предваряя, что въ

ствіи представить *неопровержимыя* тому *доказательства*, но въ пять лѣтъ до своей смерти не собрался этого сдѣлать; а оказалось, что лучшее изъ нихъ— «*Ропщущему*» (другое: «*Оставь ее, бѣги любви прелестной*») было напечатано еще въ 1829 г. въ № 16 «*Атеней*» М. Г. Павлова, съ подписью *Л. Якубовичъ* и потомъ вошло въ изданіе его стихотвореній (Спб. 1837).

Въ 1878 г. въ «*Петерб. Листкъ*» (№ 168) напечатаны два четверостишія, по словамъ будто бы какого-то приказчика Смирдина, и будто бы, написанныя въ магазинѣ Пушкинымъ въ 1833 г. на романѣ Загоскина «*Аскольдова могила*» и на портретѣ «*О. П. Козодавлева*»:

1. Аскольдова могила
Не очень глубока
Ее *слежа изрыла*
Загоскина рука.
2. Какія нынѣ времена
На все повысилась цѣна,
И къ удивленію людей
И этотъ стоитъ пять рублей.

Едва ли Пушкинъ сталъ бы портить чужіе книги и портреты своими надписями и при этомъ «слегка изрылъ» могилу; кромѣ того вторые стихи оказались напечатанными въ книжечкѣ *М. А. Бестужева-Рюмина*: «*Мавра Власьевна Томская и Федоръ Савичъ Калугинъ*» и написаны имъ о цѣнѣ своего «романа», а не о портретѣ Козодавле-

ва, вышедшемъ въ Дерптѣ еще въ 1813 г. и едва ли продававшемся черезъ 20 лѣтъ въ Петербургѣ.

Тогда же въ «*Пчелѣ*» Микѣшина (1878, № 29) появилась сомнительная эпитафія, будто бы написанная Пушкинымъ въ Одессѣ по просьбѣ вдовы генерала:

Никто не знаетъ, гдѣ онъ росъ,
Но въ службу поступилъ капраломъ,
Французскимъ чѣмъ-то раненъ въ носъ
И умеръ генераломъ.

Какъ новость, эта эпитаграма появилась потомъ, съ «приличной» обстановкой, въ «Русскомъ Архивѣ» (Ср. А. С. Пушкинъ, II, стр. 153, М. 1885).

Въ 1880 г., въ эпоху празднованій по постановкѣ памятника Пушкину, явилось такое множество псевдо-пушкинскихъ стихотвореній, что указывать было бы скучно, тѣмъ болѣе, что почти вслѣдъ за появленіемъ ихъ печатались и опроверженія. Напр.: очевидецъ разсказалъ, какъ Пушкинъ въ г. Пропойскѣ (есть и такой городъ) на именинномъ обѣдѣ у богача-купца, передъ которымъ всѣ обѣдавшіе низкопоклонничали, былъ вызванъ именинникомъ на экспромтъ:

Не Дмитрій ты Донской,
Не Дмитрій Самозванецъ,
А Дмитрій Пропойской
И пьяница изъ пьяницъ.

Но вскорѣ другой очевидецъ заявилъ, что экспромтъ былъ сказанъ пріателемъ купца,

*

офицеромъ квартировавшихъ въ Прохойскѣ войскъ.

Въ «*Русск. Старинѣ*» (№ 7) въ запискахъ *Н. Б. Потокскаго*, крайне недостовѣрныхъ хотя и исправленныхъ *М. И. Семеновскимъ*, устраненіемъ указанныхъ ему мною противорѣчій и явныхъ вымысловъ рукописи, удостовѣрялось, что въ Владикавказѣ Пушкинъ послѣ обѣда мѣломъ написалъ всю дверь мѣстнаго генерала:

Не черкесъ, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ,
Генераль Скворцовъ
Угостилъ *удальцовъ*
Славно и т. д.

Припомнилось мнѣ, что еще въ 60-хъ гг. одесситъ *Г. Д. Думшинъ* передавалъ мнѣ, что Пушкинъ будто бы тоже мѣломъ написалъ на двери, помнится, откупщика:

Ни ракъ, ни рыба—
Дуракъ Кандыба,
Ни рыба, ни ракъ—
Кандыба дуракъ.

Къ своему удивленію я недавно прочиталъ въ печати это самое четверостишіе, которое *П.* сказалъ будто бы лицейскому товарищу Кандыбѣ, причемъ рассказано было въ подробности не только объ умственныхъ недостаткахъ этого Кандыбы, но съ поразительной живостью представленъ и его физическій обликъ. Къ сожалѣнію однако въ «*Исторіи*» Лицея и въ многочислен-

ныхъ его памятныхъ книжкахъ не указано не только окончившаго курсъ, но даже временно въ немъ бывшаго и вышедшаго или исключеннаго какого-нибудь Кандыбы.

Было и еще напечатано въ 1880 г. особое *Послание* Пушкина къ лицейскому товарищу *Комовскому*, полученное будто бы отъ самого Комовскаго. Оказалось, что это выписка изъ извѣстной поэмы Пушкина (написанной на Югѣ) съ замѣною только именемъ «Комовскаго» обращенія къ лицейскимъ товарищамъ (дѣло идетъ о борьбѣ злого духа съ добрымъ и припоминается борьба лицейстовъ).

О *С. Д. Комовскомъ* Пушкинъ ни разу не вспомнилъ ни въ стихахъ своихъ, ни въ письмахъ и только разъ записалъ его фамилію въ числѣ бывшихъ на лицейской годовщинѣ. Поэтому не можемъ объяснить себѣ, какъ у такого основательнаго знатока Пушкина, какъ Я. К. Гротъ, могли встрѣтиться такія строки: «Пушкинъ въ своихъ стихахъ *только разъ* упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, именно въ строфѣ, которая по видимому предназначалась въ пьесу *19-е октября* (1825), но не вошла въ составъ ея:

Вы помните то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ раннею весной,
Оставивъ классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Броло былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;

Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой!
Гдѣ вы лѣта забавы молодой?

Отнеся къ 1825 г. это «стихотвореніе», составляющее отрывокъ изъ «Южной» поэмы, написанной Пушкинымъ въ 1822 г., гдѣ вмѣсто Брелло указывается «подземный духъ, буянь широкоплечій», побѣжденный «проворнымъ» противникомъ, Гротъ вслѣдъ затѣмъ приводитъ уничтожающую его предположеніе замѣтку самого Комовскаго: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при ген. Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, въ квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на Югъ». Не самъ ли обойденный Пушкинымъ Комовскій «составилъ» это «посланіе», можетъ-быть предполагая, что *Гавриліада* никогда не появится въ печати (Ср. соч. Пушкина, 1903, т. 2, стр. 559).

Тогда же въ «*Историч. Вѣстникъ*» (№ 9) сынъ П. А. Каратыгина напечаталъ стихотвореніе, найденное въ бумагахъ отца: «26-го іюня 1821 года. Кишиневъ». Меня г. Бартенева укорялъ въ своемъ «Архивѣ», что я не перепечаталъ этого въ Исаковскомъ изданіи, но если стихотвореніе и написано какъ будто отъ имени Пушкина, тѣмъ не менѣе достаточно было прочесть хотя слѣдующіе стихи, чтобы не сказать: *кто именно* написалъ ихъ; напри.

Хотя и онъ, какъ говорятъ,
Зло талантами богатъ.

. . . . .

Нѣтъ, не Овидій я *носатый*...
 Орфей и *Тассъ*... ужъ такъ и быть!
 Среди неистовыхъ цыганокъ
 Я какъ Орфей въ толпѣ вакханокъ
 Въ кругу кокетокъ-молдаванокъ
 Пожалуй—*тазъ* между лоханокъ!

Совсѣмъ остроты Каратыгинскихъ водевилей, въ родѣ: «ты, любезнѣйшій, на чужомъ обѣдѣ всегда не въ свой тарелкѣ» (*Тассъ* и *тазъ*) и т. д. Да не мѣшало бы г. Бартеневу припомнить заявленіе Каратыгина, при разъясненіи, что стихотвореніе: «Входя въ небесныя селенья» принадлежитъ ему, а не Пушкину: «такъ иногда нашъ братъ, актеръ, можетъ загримироваться схоже на какое-нибудь извѣстное лицо, и голосъ себѣ поддѣлаетъ, но изображаемую личность самъ все же не сдѣлается». Такимъ онъ не сдѣлался и въ сообщенной имъ за Пушкинскую неопрятной эпиграммѣ объ изображеніяхъ въ зеркалѣ, повидимому отъ имени Пушкина желая сорвать злобу свою на одного изъ товарищей-артистовъ.

Закончимъ 1880 г. указаніемъ на нелѣпныя вирши, напечатанныя *Болеславомъ Маркевичемъ* въ «Варшавскомъ Дневникѣ» (110). Ихъ будто бы далъ ему въ Одессѣ въ 1850 г. Л. С. Пушкинъ, показывавшій ему оригиналъ другихъ написанныхъ А. С. стиховъ, изъ которыхъ прочелъ 4 стиха: «Ночь тиха въ небесномъ полѣ» (чтеніе оказалось потомъ неправильнымъ, когда

автографъ сталъ доступенъ). О виршахъ же, напечатанныхъ въ «Дневникъ» Маркевичемъ, Л. С. отозвался, передавая ихъ, что «не помнить», къмъ онѣ написаны, хотя вполнѣ припомнилъ подробности вечера, *когда* онѣ были написаны и читались у Нащокина, котораго рукою и переписаны. Чего же яснѣе, что это *его собственное* стихотвореніе, а не А. С.

И Югъ Россіи не отсталъ въ этотъ годъ отъ Сѣвера. Въ «*Новороссійскомъ Телеграфѣ*» 1880 г. былъ помѣщенъ рассказъ *Г. Н. Гербановскаго* о кишиневской жизни Пушкина и приведены будто бы его стихотворенія «Къ новой Арמידѣ» (къ картамъ) и «къ куконицѣ Пульхерицѣ», дочери бояра Варѣоломея, но безъ малѣйшихъ доказательствъ, съ стихами въ родѣ такихъ въ «Арמידѣ»:

И кто тебѣ не отдавалъ
Своей *послѣдней* жизни *плотской*

или такихъ въ «Пульхерицѣ»:

Имъ ли, радостнымъ, понять
Этой грусти тягостыню.

Къ удивленію, сданная въ литературный архивъ *куконица* вновь появилась въ «Русскомъ Архивѣ» (1899, VI 346), даже съ добавкою «Музыки Варѣоломея». Впрочемъ еще раньше въ томъ же «Архивѣ», засоряющемъ сочиненія Пушкина множествомъ бездоказательнаго вздора, напечатана была статья *П. Е. Эрдели*, что по указаніямъ

нѣкоего П. П. Ларія, «глубокаго старца 86 лѣтъ», Пушкинъ, «проигравшій фантъ», постоялъ нѣсколько секундъ, нахмурился и, обращаясь къ какой-то барышнѣ, проѣздомъ съ Юга гостившей въ Каменкѣ, сказалъ: «Откуда къ намъ явилась ты, нежданный призракъ упоенья» и т. д., всего 16 стиховъ. Въ другой проѣздъ «послѣ обѣда прошли всѣ въ гостиную» и Пушкинъ написалъ въ альбомъ Бороздиной, не заставляя себя долго просить: «Что свѣтъ зари, что солнца лучъ» и т. д., 8 стиховъ («Архивъ» 1889, XI, 404—405).

Въ слѣдующемъ 1881 г. *пр. Сальясъ*, издававшій «Полярную Звѣзду», перепечаталъ тамъ изъ заграничнаго соименнаго сборника всѣ помѣщенныя съ именемъ Пушкина стихотворенія, не замѣтивъ, что еще за полгода до того настоящія Пушкинскія стихотворенія уже были перепечатаны въ 1-мъ Исаковскомъ изданіи, такъ что «новостями» у него явился только всякій сбродъ, не принадлежащій Пушкину, напр. «Исповѣдь бѣднаго стихотворца», съ такими перлами:

Пять дней пишу—печатаю шестой,
 Чтобъ съ горемъ пополамъ насытиться въ
 седьмой...

Ахъ, грѣшенъ, мой отецъ. Я краду *завсегда*.
 Къ тому приучены поэты-господа...

Лукавый соблазнилъ. Я *малый не богатой*
 За деньги написалъ посланье длинновато
 и пр.

Къ заграничнымъ «перепечаткамъ» гр. Сальясъ присоединилъ и «новое» стихотвореніе. «Онъ у насъ осьмое чудо», написанное Н. А. Некрасовымъ и напечатанное въ его альманахѣ 1846 г. «Первое апрѣля». (Ср. письмо Некрасова къ Кукольникову въ «Отчетѣ Публ. Библ. за 1884 г.»).

Опаснѣе для будущихъ издателей было напечатаніе въ «*Историч. Вѣстникъ*» 1883 г. № 2, двухъ стихотвореній Пушкина изъ собранія П. Я. Дашкова, съ заявленіемъ редакціи, что они написаны *собственною рукою* Пушкина и что самое содержаніе ихъ удостовѣряетъ ихъ подлинность: «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ» и «Я въ Курскѣ, милые друзья». Л. Н. Майковъ за годъ до смерти говорилъ мнѣ, что онъ внимательно разсматрѣлъ рукопись и нашелъ, что первое *несомнѣнно* писано Львомъ Сергѣевичемъ, а стихи:

Я въ Курскѣ, милые друзья,
Я въ Полторацкаго тавернѣ,
Живѣе вспоминаю я,
О дѣвѣ Лизѣ, дамъ Кернъ—

были напечатаны самою А. П. Кернъ съ именемъ Дельвига съ его автографа, принятаго г. Дашковымъ за Пушкинскій, и съ объясненіемъ: когда, гдѣ и по какому случаю они написаны Дельвигомъ.

Кстати напомнимъ, что та же редакція «Ист. Вѣстн.» издала *автографъ* Пушкина съ стихотвореніемъ: «Я помню чудное мгно-

венье». Что *автографъ* писанъ не Пушкинымъ, очевидно (да и не написалъ бы онъ: «Какъ *перекатное* мгновенье» — вмѣсто «мимолетное»), но сынъ Анны Петровны, у котораго черезъ меня куплено г. Дашковымъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ альбомомъ, въ которомъ оно было вложено, писалъ мнѣ при продажѣ, что это копія, сдѣланная кажется А. Н. Вульфомъ (отъ того вѣроятно и явилось въ немъ «*перекатное*» мгновенье).

Появился въ 1900 г. еще одинъ *мнимый* автографъ будто бы чернового наброска этого стихотворенія. Его сообщилъ въ «Русскую Мысль» 1900 г. *Евг. Вашиковъ* «изъ доставшихся ему бумагъ г. *Калужина* и что *подлинность* его *несомнѣнна*» (??). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это поддѣлка и притомъ самая грубая. Почеркъ нисколько не похожъ на Пушкинскій, а стихотвореніе составлено отчасти по Пушкинскимъ стихамъ. Изъ характерныхъ буквъ Пушкина нѣтъ ни одной; хуже всего поддѣлана подпись:

Среди тревоги и волненья,
Среди всечасной суеты,
Волшебной грезой вдохновенья
Передо мной явилась ты...
Мятежныхъ бурь порывъ могучій
Души моей не возмутитъ,
И вѣрю я, за грозной тучей
Привѣтный солнца лучъ блеститъ.

Въ 1884 г. профессоръ *П. А. Висковатовъ* сообщилъ въ «Вѣстн. Европы» (№ 2)

*

стихи Пушкина 1833 г., найденные имъ въ альбомѣ баронесы Гюоль и написанные будто бы рукою Пушкина съ его подписью, «но только тщательные извѣстныхъ снимковъ съ его почерка» (а эта разница и указывала, что почеркъ не Пушкина). «Профессоръ» прибавилъ, что оно ему не попадалось между стихотвореніями А. С—ча, но оно могло бы ему попасться между стихотвореніями *И. И. Козлова*, если бы онъ съ ними, какъ профессоръ русской словесности, былъ поближе знакомъ. Стихотвореніе это: «Въ кипѣньи нѣжности сердечной» было напечатано въ стихотвореніяхъ Козлова еще въ изд. 1834 г. и перепечатывалось во всѣхъ послѣдующихъ.

Но ничего безцеремоннѣе въ обращеніи съ біографіей Пушкина и съ его твореніями невозможно представить, не прочитавъ статьи *Елиз. Францевой*: «А. С. Пушкинъ въ Бессарабіи». Въ трехъ нумерахъ «Русскаго Обозрѣнія» (1897 года № 1, 2, 3) на 74 страницахъ она рассказываетъ, будто бы со словъ отца, самыя невѣроятныя нелѣпости о Пушкинѣ, приводитъ (по памяти) нерѣдко очень обширныя будто бы его стихотворенія, посланія, экспромты и даже почти цѣликомъ въ новомъ видѣ поэму «*Цыганы*», какъ она будто бы первоначально написана Пушкинымъ. Конечно, съ настоящею поэмою эта мнимая не имѣетъ ни малѣйшаго соотношенія; а стихи такіе,

что можно только подивиться, какъ редакторъ рѣшилъ ихъ напечатать. Они впрочемъ такого же достоинства, какъ и во всѣхъ другихъ стихотвореніяхъ, выдаваемыхъ г-жею Францевой за Пушкинскія, на примѣръ:

Что пріятель мой Димитрій
Человѣкъ хотя и хитрый.

Точно съ трона королева
Вы спустилися на часъ.

А ты, гнуснѣйшій сынъ старухи,
Такой же подлый, какъ она,
Ты сдѣлалъ вдругъ изъ *мелкой мухи*
Большаго страшнаго слона...

III.

Въ 1898 г. было помѣщено въ «Русскомъ Архивѣ» четверостишіе къ портрету П. Х. Молодцова, написанное будто бы Пушкинымъ на обратной сторонѣ портрета. Л. Н. Майковъ даже внесъ это четверостишіе во 2-е изд. 1-го тома академическаго изданія, но мнимая Пушкинская надпись не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ настоящимъ почеркомъ его.

Въ прошедшемъ году мы имѣли случай уже въ третій разъ указать въ «Новомъ Времени», что стихотвореніе: «Мальчикъ, солнце встрѣтитъ должно съ торжествомъ» и проч. принадлежитъ *бар. Дельвигу* и печатается во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій.

А между тѣмъ третье приписываніе его Пушкину было обставлено подробностями, исключаящими всякое сомнѣніе: былъ названъ *очевидецъ*, объяснявшій, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ было это стихотвореніе написано *Пушкинымъ*.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году въ книгѣ *Н. Лернера*: «Труды и дни Пушкина» приписано ему четверостишіе: «За Араксомъ наши грани» и проч., выгравированное съ автографа Пушкина Н. И. Уткинымъ въ 1836 г. подъ портретомъ Паскевича. Оно дѣйствительно выгравировано съ автографа, но только дѣйствительнаго его автора, *В. А. Жуковскаго*, въ чемъ удостовѣряетъ и почеркъ и находженіе этого четверостишія ввидѣ 11-й строфы изъ 15-ти, составляющихъ «*Старую Пѣсню*»: «Раздавайся громъ побѣды», написанную 5-го сентября 1831 г. и напечатанную въ особой брошюрѣ: «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія *В. Жуковскаго* и *А. Пушкина*». Не отсюда ли и ошибка Д. А. Ровинскаго, въ его трудѣ объ Уткинѣ, при передачѣ указанія самого Уткина, что это стихи Пушкина, или не смѣшалъ ли самъ 90-лѣтній Уткинъ Пушкина съ Жуковскимъ?

IV.

Эпиграммъ и *экспромтовъ* было приписано Пушкину такое множество, что ихъ не-

возможно перечислить въ газетномъ фельетонѣ.

Варьировались на множество ладовъ его эпиграммы на *Карамзина* и *кн. Голицына*. Множество было нанесено эпиграммъ на Булгарина, причемъ однако П. О. Морозовъ въ изд. Лит. фонда (т. 2, стр. 91) между прочимъ отстранилъ двѣ изъ нихъ, замѣтивъ: «Баратынскаго, а не Пушкина слѣдуетъ считать авторомъ эпиграммъ: «Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ» и «Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ», а между тѣмъ въ замѣткахъ *Максимовича*, издателя «*Денницы*» 1831 г., гдѣ они были помѣщены, значится, что первая *принадлежитъ Пушкину*, а вторая дѣйствительно Баратынскому и Пушкинъ поправилъ въ ней только послѣдній стихъ: «*А кажется и ново для него*» вмѣсто «*А можетъ быть и ново для него*».

Кромѣ многихъ эпиграммъ на Александра I, восходящихъ однако до болѣе отдаленнаго времени, какъ напр. «на постройку Исакиевскаго храма», былъ въ обращеніи цѣлый циклъ эпиграммъ, направленныхъ противъ дѣяній императора Николая I и будто бы написанныхъ *именно въ то время*, когда Пушкинъ надѣялся, что онъ возвратитъ его изъ ссылки («немного царствовалъ», Стансы—Князь Голицынъ мудрость вѣсилъ, «Въ Россіи нѣтъ закона») и даже *тогда*, когда императоръ уже освободилъ его. Къ послѣд-

нимъ относится между прочимъ одна, изъ которой гр. Корфъ помѣстилъ въ своихъ «Запискахъ» только первыя два слова, а Л. Н. Майковъ напечаталъ всю (Р. Старина 1899, VIII, 306), прибавивъ, что «стыдливость не позволили Корфу привести все двустипіе:

«Хотѣлъ издать Ликурговы законы—
И что же издалъ онъ?—Лишь кантъ на
панталоны.

Корфъ замѣчаетъ, что «въ благодарность за прежнія благодѣянія Пушкинъ пускалъ въ публику (подобныя) двустипіи», видитъ въ нихъ «мѣрило признательности великаго поэта» и прибавляетъ: «нѣтъ сомнѣнья, что отъ государя *не оставалось сокрытымъ* ни одно изъ этихъ грязныхъ дѣтищъ грязнаго ума».

Между тѣмъ *канты* были даны въ 1826 г. и Пушкинъ могъ написать это двустипіе только тотчасъ же послѣ милостиваго пріема государемъ и своего освобожденія, такъ что даже Бенкендорфъ доложилъ тогда государю, что Пушкинъ превозноситъ его и заставилъ въ англійскомъ клубѣ всѣхъ обѣдавшихъ пить за здоровье царя («Старина и Новизна» VI, 1903).

Эта эпиграмма безъ числа варьировалась въ рукописяхъ, и московскій издатель сочиненій Пушкина 1900 г. *Земскій* напечаталъ ее въ наиболѣе распространенномъ видѣ только съ измѣненіемъ одного слова:

Сказалъ деспотъ: мои сыны,
Законы будутъ вамъ даны,
Я возвращу вамъ дни златые
Благословенной старины.
И обновленная *Турція*
Надѣла съ выпушкой штаны.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Пушкина въ тетрадахъ собирателей изъ написанныхъ въ похвалу превращались въ ругательныя эпиграммы. Напримѣръ куплетъ изъ «Канона въ честь Глинки» (изд. 1903, т. 2, стр. 389) обратился въ брань:

Появилась на Руси
Новая новинка—
Не фарфоръ и не фаянсъ,
А простая *глинка*.

Оставляя въ сторонѣ старыя мнимо-Пушкинскія эпиграммы, извѣстныя изъ нашихъ и заграничныхъ изданій, приведемъ пару экспромтовъ изъ «Русскаго Архива»:

При игрѣ въ банкъ.
Пушкинъ бѣдный человекъ,
Ему негдѣ взять
Изъ-за энтава бездѣля
Не домой ему иттить.

Заложить руки въ карманы, припѣвая
эту солдатскую пѣсню, съ замѣною слова
солдаты. («Р. Арх.» 1899, VI, 356).

На пьяницу приказчика.
(У Сленина).

Нарциссу было суждено
Любить свой видъ прекрасный;
Но я не въ воду, а въ вино
Смотрюся ежечасно,

И самолюбіемъ томимъ
Стаканъ свой наливаю,
И съ влажнымъ зеркаломъ моимъ
Мой видъ я выпиваю. (Пушкинъ II. 148).

Не къ экспромтамъ ли, только ужъ не Пушкина, надо отнести и рассказъ А. О. Росета, будто Пушкинъ называлъ кн. Воронцову: *la princesse belvetrille*, потому что она *однажды* въ Одессѣ твердила стихи:

Не бѣлѣютъ ли вѣтрила
Не плывутъ ли корабли?

Слова *belvetrille* мы не нашли въ известномъ лексиконѣ Макарова, а между тѣмъ оно подало поводъ г. Шляпкину въ его книгѣ принять одну неразобранную подпись подъ письмомъ къ Пушкину за анаграмму *belvetrille* и приписать самое письмо кн. Воронцовой, тогда какъ вѣроятная подпись E. Weltman можетъ принадлежать Еленѣ Вельтманъ, женѣ Александра Ѳомича, и одно письмо зарегистрировано такъ въ спискахъ В. А. Жуковского и Л. В. Дубельта, разбравшихъ бумагу поэта.

Въ заключеніе замѣтимъ, что представляющіеся въ рукописяхъ многочисленные варианты экспромтовъ Пушкина къ женѣ не имѣютъ за собою ни малѣйшихъ основаній, кромѣ рассказовъ, которые ничѣмъ не подтверждаются. Напр.

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я огончарованъ.

И

Я влюбленъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ огончарованъ,
Съ утра до вечера за нею я стремлюсь
И встрѣчъ нечаянныхъ я жажду и
боюсь.

Оба изреченія слышали сами рассказчики!

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ,
Люблю тебя, комета,
Но не люблю твой хвостъ.

Другой слышалъ, будто Пушкинъ сказалъ:

Но мнѣ мила моя комета
Несносенъ мнѣ ея лишь хвостъ.

А третій слышалъ слова Пушкина:

Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

V.

Сказавъ выше о *поддѣлкѣ* цѣлой поэмы, укажемъ и на *поддѣланныя* окончанія нѣкоторыхъ изъ его произведеній.

Первое мѣсто конечно надо отдать поддѣлкѣ Д. П. Зуевымъ окончанія «Русалки», пущеннаго въ обращеніе П. И. Баргеновымъ и возбудившаго еще свѣжую въ памяти у всѣхъ ожесточенную полемику *).

---

*) Кстати о «Русалкѣ». *Извѣстный* редакторъ изданія сочиненій Пушкина П. О. Морозовъ, удостоивающій особымъ, усиленнымъ и даже излишнимъ вниманіемъ мою

Два продолженія или окончанія «Евгенія Онгина» явились въ отдѣльныхъ изданіяхъ и на *поддѣлку*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, вовсе не претендовали.

Ан. Ник. Майковъ также напечаталъ продолженіе четверостишія «Ночь тиха» (15 строфъ), въ «Нивѣ» 1888 г., № 17, а другое продолженіе этого стихотворенія принадлежитъ М. Славянскому («Сѣверъ» 1896 г., № 29).

Нельзя, кажется, признать *поддѣлкою* и несохранившееся въ рукописяхъ окончаніе сказки: «Царь Никита» послѣ стиха: «Провинись жена моя!»

По всей вѣроятности его записалъ, по памяти, отличавшійся ею, Левъ Сергѣевичъ. Сказка была окончена еще на Югѣ, и 15-го марта 1825 г. въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго, Пушкинъ, шутя, предлагалъ ее

послѣднюю редакцію сочиненій Пушкина, замѣчаетъ, что мною не внесены въ ея текстъ *найденныя* имъ въ *рукописи* поправки. Не считаю приличнымъ входить въ объясненія съ г. Морозовымъ, читатели же редактируемаго мною изданія увидятъ изъ примѣчаній къ изданію, появленія которыхъ не дождался г. Морозовъ для *обличеній* своихъ, правильно ли я отнесъ туда эти *найденныя* имъ въ *рукописи* поправки, всѣмъ достаточно уже извѣстныя по фототипическому воспроизведенію рукописи подъ редакціей г. Бѣльскаго. Въ примѣчаніяхъ же найдутся объясненія недоумѣній: именныхъ П. О. Морозова, псевдонимныхъ и анонимныхъ.

для пополненія тома печатавшихся его стихотвореній. Вѣроятно она не однажды читалась Языкову, Вульфѣ и брату, который могъ запомнить и впослѣдствіи записать ее по памяти. Конечно и образцовая память Льва Сергѣевича могла иногда измѣнять и этимъ можно объяснить, что въ «Окончаніи Царя Никиты» много совершенно Пушкинскихъ стиховъ, а на ряду съ ними встрѣчаются стихи несовсѣмъ удачныя и неловкіе.

VI.

Въ прозѣ своей Пушкинъ былъ гораздо счастливѣе. За его произведеніе выдавалась только статья: «*Анекдотъ о Байронѣ*». Анненковъ внесъ эту статью въ свое изданіе изъ «Литер. Газеты» 1830 г., гдѣ она была напечатана безъ подписи. Перепечатывалась она во всѣхъ Исаковскихъ изданіяхъ, такъ что и я дважды перепечаталъ ее, но, составляя *примѣчанія* къ изданію 1882 г., вновь провѣрилъ внесеніе ея въ изданіе. Оказалось, что Анненковъ сдѣлалъ это по указанію Грена, перепечатавшего статью въ «Общезанимат. Вѣстникъ» 1857 г., № 6. *Обратясь къ этому журналу*, я нашелъ при статьѣ *замѣтку* Грена, что онъ ее получилъ отъ В. Г. Теплякова, которому будто бы была она подарена Пушкинымъ при разборѣ бумагъ въ *Киншине* 1-го апрѣля 1821 г. со словами:

«Охота тебѣ возиться съ дрянью—статейка о Байронѣ не помню когда написана, а стихи «Старица» лицейскіе грѣхи. Пожалуй возьми ихъ, да чуръ нигдѣ не печатать». Эту-то статейку, а также «Старицу» и «Лилію», будто бы полученные отъ Теплякова, Гренъ и напечаталъ въ «Общезан. Вѣстникѣ» «вѣроятно, просто списавъ все это изъ «Лит. Газеты» 1830 г., такъ какъ «Старица» явилась въ «Общезан. Вѣстн.» съ тѣми же цензурными пропусками и съ опечаткою, какъ и въ «Лит. Газетѣ», а «Лилія» вскорѣ заявлена была въ печати принадлежащею кн. Вяземскому. Самый же «Анекдотъ» о Байронѣ не могъ бы быть напечатанъ въ «Лит. Газ.» 1830 г., еслибы былъ брошенъ Пушкинымъ, какъ дрянъ, въ Одессѣ еще въ 1821 г., однако и бросать его тамъ Пушкинъ вовсе не могъ въ то время, потому что Байронъ умеръ только въ половинѣ 1824 года, а въ статьѣ говорится, что анекдотъ узнанъ уже по смерти Байрона и помѣщенъ въ книгѣ *де-Сальво*, вышедшей около 1827—28 г. Затѣмъ я нашель, что онъ былъ оттуда переведенъ въ «Русскомъ Зритель» въ книжкѣ XV—XVI, вышедшей въ февралѣ 1829 г., и вѣроятно по поводу этого перевода или выхода книжки *де-Сальво* и была кѣмъ-нибудь составлена статейка для «Лит. Газеты» 1830 г. Такимъ образомъ со стороны Грена является не под-

дѣлка, а просто *продѣлка*, можетъ быть для полученія гонорара.

Вторая поддѣлка прозы: «Встрѣча Пушкина съ Бестужевымъ на Кавказѣ» въ 1829 г. напечатана *П. К. Мартыновымъ* въ «Историч. Вѣстникѣ» 1885 г. № 11, и будто бы получена отъ *А. Д. Комовскаго*, служившаго въ канцеляріи шефа жандармовъ и тамъ ее списавшаго. *Л. Н. Майковъ* доказалъ въ особомъ изслѣдованіи подложность этого отрывка и то, что Пушкинъ даже *не видѣлся* съ Бестужевымъ, который въ письмахъ къ брату сожалѣетъ объ этомъ. Впрочемъ и доказывать было не за чѣмъ, потому что мнимый Пушкинъ въ своемъ рассказѣ поддѣлался не подъ настоящаго Пушкина, а подъ Бестужева и простоту Пушкинскаго слога и рассказа замѣнилъ напыщенностью и риторикой Бестужева, почему я и не внесъ этого отрывка въ *Комаровское* изданіе сочиненій Пушкина 1887 г.

Ну, Пушкинъ ли это:

«Онъ не кончилъ еще рассказа, я не успѣлъ отряхнуть слезу ребячества, несносно щекотавшую мнѣ глазъ, какъ всадникъ мой исчезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пять прыжковъ конь вынесъ меня на остріе скалы: внизу, въ ужасной глубинѣ, шумить рѣка—и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулся стремглавъ въ чернѣющую бездну, я испугался...» и т. д. И «плещется» и «рухнулся», а Пуш-

кинъ «обмеръ отъ страха» и тотчасъ же «испугался». Какъ хорошо!

VII.

Явилась также хотя и не поддѣлка, но какая-то странная продѣлка съ *письмомъ* будто бы Пушкина. Профессоръ П. А. Висковатовъ, который, какъ указано выше, не отличилъ стиховъ Козлова отъ стиховъ Пушкина, призналъ въ попавшемся ему письмѣ А. И. Тургенева къ Булгакову почеркъ Пушкина и напечаталъ съ именемъ этого послѣдняго въ «*Новомъ Времени*» (1887). Оказалось, однако, что письмо содержитъ несомнѣнныя противорѣчія съ біографіей Пушкина, который, согласно этому письму, долженъ былъ дважды побывать и въ Казани, и въ Симбирскѣ, чего вовсе не было. Тогда же возникли въ печати указанія на несообразности, а затѣмъ Л. Н. Майковъ, основательно изслѣдовавъ это письмо, въ 1897 г., бывши у меня, говорилъ при В. Е. Якушкинѣ, что письмо несомнѣнно писано А. И. Тургеневымъ и что всѣ извѣстія въ немъ совпадаютъ съ фактами біографіи Тургенева.

Профессоръ И. А. Шляпкинъ, въ книгѣ своей о рукописяхъ Пушкина, напечаталъ письмо его къ А. О. Смирновой, въ которомъ сквозитъ явное мнѣніе: не роконосецъ ли онъ. На повѣрку оказывается, что это выписка изъ письма Вольтера къ Дар-

жанталю, помѣщенная въ русскомъ переводѣ Пушкинымъ въ статьѣ «Вольтеръ». Знаменитый писатель сомнѣвается въ дружбѣ Фридриха II и старается не вѣрить въ ея исчезновеніе, какъ роконосы въ свое несчастіе. Указаніе же на «мемуары» относятся къ Фридриховымъ, а не къ мемуарамъ Смирновой, какъ предполагаетъ г. Шляпкинъ.

Не знаю, *какимъ именемъ* назвать *происшествіе*, случившееся съ однимъ отрывкомъ, найденнымъ въ бумагахъ Пушкина 1832 года. Аненковъ говоритъ въ своихъ тетрадяхъ: «есть трагическое *письмо*, вѣроятно къ Воронцовой, едва-едва набросанное» и выписываетъ отрывокъ, который В. Е. Якушкинъ однако считаетъ *наброскомъ для романа*. Отрывокъ начинается словами: «C'est aujourd'hui le 9-me anniversaire du jour, ou je vous ai vu pour la première fois...» Г. Морозовъ, тоже, кажется, бывший професоръ, въ изданіи Лит. фонда напечаталъ этотъ отрывокъ, какъ *письмо Пушкина къ Н. Н. Гончаровой 1830 года*, а такъ какъ Пушкинъ познакомился съ нею только за 2 года, а не за 9 лѣтъ, какъ сказано въ этомъ отрывкѣ, то вначалѣ отрывка даты «le 9-me» не оказалось въ изданіи Литер. фонда.

VIII.

По *иконографіи* Пушкина послѣднее чествованіе его памяти не дало никакихъ

новыхъ его изображеній, кромѣ только хромоолитографированной копіи съ портрета работы *А. Л. Линева*, приложенной къ «Описанію Пушкинскаго музея» при Лицеѣ. Затѣмъ среди массы воспроизведеній съ прежнихъ оригиналовъ можно указать только двѣ превосходныя большія фотографіи, сдѣланныя художественнымъ заведеніемъ *К. А. Фишера* съ оригиналовъ *Кипренскаго* и *Тропинина* и далеко превосходящія всѣ доселѣ бывшія воспроизведенія ихъ въ гравюрѣ и литографіи.

Но для иконографіи лицъ, окружавшихъ Пушкина, явился чрезвычайно богатый матеріалъ въ изданныхъ тѣмъ же заведеніемъ двухъ обширныхъ альбомахъ Пушкинскихъ выставокъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Тутъ огромное большинство портретовъ родныхъ, товарищей, знакомыхъ, друзей и недруговъ Пушкина явилось въ первый разъ по присланнымъ на выставку оригиналамъ, недоступнымъ публикѣ въ обычное время. Такъ напримѣръ тутъ впервые явился въ трехъ одновременныхъ изображеніяхъ портретъ *Ө. И. Толстого-Американца*, извѣстнаго всѣмъ по Грибоѣдовской пьесѣ, и многіе портреты выдающихся декабристовъ, съ которыми былъ знакомъ Пушкинъ.

Къ сожалѣнію тутъ же явился и портретъ псевдо-Пушкина, работы *Гейдена* 1821 г. Почему это Пушкинъ—никому неизвѣстно. Юноша повидимому высокаго

роста, съ какой-то глуповатой миною и съ лицомъ, даже не напоминающимъ Пушкина (особенно въ нижней части лица), во фракъ и вообще въ одеждѣ 40-хъ годовъ; онъ держитъ въ рукѣ книгу, съ надписью: «Пушкинъ А. С.—Русланъ и Людмила. 1821». Въ шкафу изъ-за полуотдернутой занавѣски виднѣются книги: «Басни Крылова», вверху «Современникъ», внизу «Отечественныя Записки» въ форматѣ изданія Краевского (съ 1839 года) и это все въ 1821 году!!

Но это не первая фальсификація. Незадолго до выставки у одного московскаго «каллектора» (какъ они себя называютъ) сразу явились три мнимыхъ портрета Пушкина. *Первый*—какой-то англійскій лордъ, съ хлыстикомъ, въ бѣлой пуховой шляпѣ, вимало не похожій на Пушкина, но имѣющій только бакенбарды «котлетами»; рисованъ иностраннымъ художникомъ, неизвѣстнымъ въ Россіи и, судя по году подъ портретомъ именно въ то время, когда Пушкинъ находился въ Михайловскомъ подъ тройнымъ надзоромъ (духовнымъ, дворянскимъ и полицейскимъ), такъ что пріѣздъ иностранца въ Михайловское долженъ былъ оставить слѣдъ въ дѣлахъ этихъ надзоровъ, чего вовсе нѣтъ, равно какъ и въ письмахъ Пушкина за это время къ роднымъ и знакомымъ. Академія Наукъ, куда «каллекторъ» посылалъ этотъ портретъ, офиціально увѣдомила его, что онъ совсѣмъ не Пушкинскій, но это не по-

мѣшало владѣльцу во время чествованія памяти Пушкина помѣстить портретъ на выставку и дать снимки съ своей «сопственности» во всѣ московскіе иллюстрированные листки, какъ новый достовѣрный портретъ Пушкина.

Второй портретъ—миніатюра красиваго юноши съ каштановыми волосами и голубыми глазами, считается владѣльцемъ за Пушкина, потому что на задкѣ написано кѣмъ-то: «А. С. Пушкинъ».

Третій—еще курьезнѣе: онъ рисованъ будто бы Лермонтовымъ. Пушкинъ въ ростъ, писанъ гважью, съ головой, вопреки всѣмъ портретамъ, суживающейся кверху и съ волосами, похожими на овчину, а не на волоса. Внизу подпись: «М. Лермонтовъ», но сдѣланная черта въ чергу съ факсимиле подписи Лермонтова подъ портретомъ въ Глазуновскомъ изданіи его сочиненій. Лермонтовъ только разъ видѣлъ Пушкина мимоходомъ, а тутъ оказывается, что снялъ съ него даже портретъ: въ плащѣ по оригиналу Кипренскаго, но съ несхожимъ лицомъ.

Ради курьеза можно упомянуть, что другою «каллекторъ» принесъ на выставку портретъ Пушкина *въ военномъ мундирѣ* и на замѣчанія о несообразности одежды увѣрялъ, что вѣроятно Пушкинъ носилъ военную форму на Кавказѣ въ 1829 г., а потомъ прибавилъ, что впрочемъ, можетъ быть, это

Лермонтовъ. Стало быть лицо тутъ не причемъ. Третій «каллекторъ», преимущественно театральный, принесъ портретъ балетмейстера *Дидло*, снизу обрѣзанный, но съ собственноручною (будто бы) подписью синими чернилами по-французски: «*Didlo*», такъ что французъ не сумѣлъ правильно написать своей фамиліи, а написалъ словно бы русскій. Портретъ оказался *Шлоссера*, приложенный къ русскому переводу его «Исторіи», съ отрѣзаннымъ только снимкомъ съ автографа Шлоссера подъ портретомъ.

П. Ефремовъ.

